
СТАСЯ АНДРИЕВСКАЯ
ЖЕСТОКИЙ
развод.
ЗАЩИТА ИЗ ПРОШЛОГО

Стася Андриевская

Жестокий развод. Защита из прошлого

https://litres.ru/74838538
SelfPub; 2026

Аннотация

— Я люблю вас обеих, Лена. Просто постарайся это принять.

— Ты предлагаешь мне жить под одной крышей с твоей любовницей?

— С твоей племянницей, — поправляет муж. — Она всё ещё твоя семья.

Пятнадцать лет брака, две дочери и мужчина, которому я безоговорочно верила. Я думала, что после измены мне остаётся только развестись. Но у мужа другие планы:

— Не уймёшься — лишу родительских прав!

Сначала я теряю работу. Потом исчезают дети. И пока я пытаюсь вырваться из ловушки, на мою голову сваливается ещё и Орлов — хулиган из прошлого, которого когда-то боялись даже учителя в школе.

Он предлагает помощь, от которой попахивает беспределом. Я отказываюсь — мне только его безумных выходок сейчас не хватало!

Но когда Орлов спрашивал разрешения?

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 12
Глава 3 18
Глава 4 25
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Жестокий развод. Защита из прошлого

Глава 1

— Ну куда ей такие халатики? Она что, думает, ты слепой?

Замираю в прихожей с коробкой торта на ладони. Голос Полины доносится из кухни — весёлый, немного капризный и такой домашний. Наверное, болтает с подружкой по телефону. Только почему-то шёпотом, хотя дома, кроме неё, никого быть не должно.

Осторожно ставлю сумочку на тумбу, чтобы не выдать себя звоном ключей. Завтра племяшке девятнадцать, и я хотела незаметно убрать торт в холодильник, а утром первой поздравить. Даже улыбаюсь, представляя, как она будет возмущаться, что я опять её балую, и тут же полезет пальцем в крем.

— Нет, ну правда! Леночка то, Леночка сё… Она ведь реально думает, что вся такая классная!

Улыбка медленно сходит с лица. Прижимаю к себе холодную бутылку игристого, прислушиваюсь. Леночка — это я? Моя Полинка вот так говорит обо мне за глаза?

Делаю шаг к кухне, уже собираясь показаться, но племян-

ница продолжает:

— А на мне он гораздо лучше смотрится, правда? Ну посмотри…

Слышится шорох, потом короткий визг и звон посуды.

— Ай! Ты совсем, что ли? Я чуть в тесто не села!

— Осторожнее, — отвечает Олег.

Я узнаю его сразу. И всё равно несколько секунд стою, глядя на полоску света поперёк коридора, словно мне нужно ещё что-то услышать, чтобы убедиться. Муж должен быть за городом, у своей мамы, вместе с нашими дочками. Наверное, вернулся. Наверное, они с Полиной что-то готовят к нашей годовщине — завтра ведь пятнадцать лет со дня нашей с Олегом свадьбы.

Я даже успеваю устыдиться того, о чём подумала.

Потом выхожу из-за угла.

Полина сидит на кухонном островке, а Олег стоит вплотную к ней, между её фривольно разведёнными бёдрами. На племяннице мой кружевной пеньюар. Тот самый, про который она только что спрашивала, хорошо ли смотрится. Она обнимает моего мужа за шею, он зацеловывает её лицо, шею и плечи, и никто из них не замечает меня в дверях.

Я смотрю на знакомое кружево у её плеча. На руку Олега, лежащую у неё на талии. Почему-то именно эта рука не даёт отвернуться: я знаю её до последней родинки, знаю, какая она тёплая, как умеет успокаивать одним прикосновением. Ещё сегодня утром он обнимал меня ею, пока мы пили кофе.

Бутылка выскальзывает из-под локтя.

От грохота Полина вздрагивает, вскидывает голову. Несколько мгновений смотрит на меня широко раскрытыми глазами, потом судорожно запахивает пеньюар и соскальзывает со столешницы. Олег отступает, пропуская её.

Она пролетает мимо так близко, что задевает меня плечом. Я даже не пытаюсь остановить. Слышу, как хлопает дверь её комнаты, щёлкает замок, и только тогда опускаю взгляд: у моих ног растекается игристое, среди осколков шипит пена.

А торт я всё ещё держу. Обеими руками, старательно, чтобы не уронить.

Олег упирается кулаками в столешницу, опускает голову. Я жду, что он заговорит. Скажет хоть что-нибудь, и я пойму, как теперь дышать, куда смотреть, что делать с этой дурацкой коробкой.

— У тебя же дежурство сегодня? — спрашивает он.

Поднимаю на него глаза. Голос знакомый, обычный. Таким он уточняет, во сколько меня ждать, нужно ли заехать в магазин, кто заберёт Элю из садика.

— Дежурство? — переспрашиваю, потому что ничего другого сказать не получается. — Олег, ты сейчас серьёзно?

Он выпрямляется, проводит ладонью по лицу.

— Лен, давай только без драмы.

Пытаюсь поставить коробку на край стола, но промахиваюсь. Картон цепляется за столешницу, крышка съезжает на-

бок. Муж машинально подаётся помочь, и я так резко отдёргиваю руки, что торт едва не летит на пол.

— Не подходи!

— Хорошо. — Он останавливается, выставив перед собой ладони. — Я не подхожу. Мы взрослые люди и вполне можем поговорить спокойно.

Смотрю на него и не узнаю. Вернее, узнаю слишком хорошо: эту сдержанность, уверенность человека, который сейчас всё объяснит и решит. Обычно рядом с таким Олегом мне становилось спокойно. Сейчас я держусь за спинку стула, потому что ноги подкашиваются, а он подбирает с пола свою рубашку и отряхивает её от муки.

— Ты… — Голос дрожит, и я сглатываю, пытаясь его удержать. — Как ты мог? Она же…

Хочу сказать: наша Полинка. Девочка, которую я привела в этот дом, потому что ей больше некуда было идти. Но смотрю на закрытую дверь её комнаты и понимаю, что слово «наша» уже не могу произнести.

— Она же ещё ребёнок, Олег.

— Лен, ну какой ребёнок? Ей завтра девятнадцать. И я у неё, между прочим, даже не первый!

Пальцы соскальзывают со спинки стула. Он успевает подхватить меня за локоть, но я вырываюсь, отступаю к стене. Мне нечем ответить на это «между прочим». Я вообще не понимаю, как он может сообщать мне такое о моей же родной племяннице.

— Пожалуйста, успокойся, — говорит муж. — Давай сядем.

— А может, ещё и её позовём? — вырывается у меня. — Чаю попьём. Торт есть, я купила.

Олег переводит взгляд на коробку, стискивает челюсти.

— Чёрт… Ну знал же, что этим всё закончится.

— Знал?

Он молчит, и я начинаю понимать то, о чём ещё секунду назад боялась подумать. Они не впервые остались здесь вдвоём. Не впервые дождались, пока я уйду на дежурство. И Полина не впервые так свободно подставляет для его поцелуев свои плечи.

— Давно? — спрашиваю еле слышно.

— Лена, сейчас не время.

— А когда время?

— Утром. Когда ты сможешь нормально разговаривать.

По щеке скользит слеза. Я поспешно стираю её, но за ней тут же катится следующая, и остановить их уже не получается. Он ждёт, когда я смогу нормально разговаривать. Стоит посреди нашей кухни и ждёт, пока я перестану мешать ему своей реакцией на то, что он здесь делал.

— А до утра что? Ляжем спать? — спрашиваю, всё ещё пытаясь смотреть ему в глаза. — Ты ко мне придёшь или к ней?

— Не надо, Лен.

— Почему? Ты же хотел спокойно поговорить. Вот я и

спрашиваю: где ты теперь спишь, когда меня нет дома?

Он раздражённо выдыхает, а я вдруг смотрю в сторону детской. Девочки сейчас у бабушки, но ведь так бывает далеко не в каждое моё дежурство.

— Дети… — От этой мысли становится трудно вдохнуть. — Олег, они хоть ничего не видели?

— Не приплетай сюда детей!

— Я приплетаю?!

Пробую ещё что-то сказать, но воздух застревает в горле. Муж делает ко мне шаг, и я выставляю руку, не позволяя приблизиться. Мне нужно выйти отсюда, хотя бы на минуту оказаться там, где не будет ни его, ни этой закрытой двери, за которой прячется Полина.

Поворачиваюсь и иду в прихожую, стараясь не задеть стену плечом. За спиной Олег произносит моё имя — уже строже, требовательнее. Хватаю с вешалки первую попавшуюся куртку и выскакиваю за дверь, пока он не успел меня остановить.

На улицу выбегаю прямо под дождь.

Поначалу не замечаю капель на лице. Вообще ничего не замечаю, просто бегу куда глаза глядят. Потом наконец останавливаюсь и тут же начинаю мёрзнуть. Плотнее запахиваю курточку и только теперь понимаю, что она Полинина.

Тут же хочется сдёрнуть её с себя — подальше от этого аромата девчачьих фруктовых духов, которыми и так уже пропах весь дом, включая даже моего мужа и подушки в на-

шей супружеской спальне.

О боже… Сердце замирает от нового приступа острой боли. Неужели они посмели делать это даже в нашей кровати?!

Кажется, кожа горит, и я срываю с себя промокшую ткань. Запоздало понимаю, что, уходя из дома, было бы не лишним прихватить и сумочку — там не только деньги, но и ключ от машины. Хотя бы сидела сейчас в тепле и сухости.

Можно, конечно, вернуться. Но я не могу. Вот буквально физически не могу заставить себя даже двинуться в ту сторону — словно там находится самый жуткий на свете монстр, причиняющий мне такую боль, о которой я раньше и не догадывалась!

Интересно, как давно у них это началось? И насколько всё серьёзно?

Хотя какая разница?! Достаточно того, что это уже случилось, и очевидно, что не единожды! Сил нет даже думать об этом!

Но всё равно не могу заставить себя не думать, не представлять их вдвоём — я ведь увидела достаточно, чтобы фантазия дорисовывала остальное. И от этого мне с каждой минутой становится всё хуже.

Но в одном Олег всё же прав — нужно как-то дожить до утра. А потом собрать в кулак волю и гордость и вернуться домой, чтобы посмотреть предателям в глаза.

От этих мыслей снова набегают слёзы, и я беру курс на единственное доступное мне сейчас прибежище — к Ирин-

ке.

Код домофона знаю наизусть. Поэтому сразу поднимаюсь на седьмой этаж и названиваю в дверь, намереваясь пробудить подругу даже от самого крепкого сна. Наконец замок щёлкает, и я обмираю: на пороге стоит крепкий мужчина в одном полотенце на бёдрах. Он мокрый настолько, что под босыми ногами тут же появляются лужицы, а из дверного проёма на меня так и пышет жаром и ароматом шампуня.

В смущённой растерянности отвожу взгляд от мускулистой груди. Первая мысль: вот это я, конечно, некстати припёрлась… Вторая: а почему дверь открыла не сама Ирка, а её мокрый любовник?

Третья мысль только начинает зарождаться, когда мужчина присвистывает:

— Краснова, ты, что ли? Ну ничего себе сюрприз…

Глава 2

И я, наконец, тоже узнаю его. Человека, которого в последний раз видела, кажется, в прошлой жизни, и с радостью не видела бы никогда больше. И уж точно не ожидала лицезреть здесь, да ещё и в таком виде.

— Матвей? — мнусь в растерянности, не знаю, куда глаза девать. — А… А Ира где?

— Её нет.

— А-а-а! — понятливо киваю, хотя в мыслях одна каша. — Ага. Кхм… Ну ладно тогда...

Пячусь, но Матвей делает широкий шаг за порог и хватает меня за руку.

— Отставить капитуляцию! — Безапелляционно затаскивает в квартиру, закрывает дверь на засов. — Проходи. Я сейчас.

Он скрывается в ванной, а я настолько в шоке от всей сегодняшней треклятой ночи, что даже не догадываюсь сбежать, пока не поздно.

Через пару минут мы уже сидим на кухне — Матвей одет в мягкие домашние брюки и серую, словно вторая кожа облегающую его мускулистые плечи футболку. Влажные тёмные волосы спадают на лоб волной, затылок коротко выстрижен, подчёркивая белёсый шрам на затылке и крепкую загорелую шею с золотой цепью. Руки в татуировках.

Ну ничего себе, Матвейка вымахал! Нет, так-то он и в школе был на голову выше остальных одноклассников, и даже не потому, что второгодник, а просто — высокий. Но чтобы превратиться в такого эм-м… Альфача?

Глупо молчим. Что тоже не похоже на гиперактивного отморозка Орлова, которого я знала когда-то. Высмеять, обозвать, сорвать урок, затравить, поиздеваться или опошлить — это да, тут он мастак. Но вот так выжидающе молчать…

Чёрт. Зачем я дала затащить себя сюда?

— А ты… ты как тут вообще?

С одной стороны, вопрос дурацкий, ибо брутальный самец в квартире незамужней женщины — это как будто бы норма. Но с другой — подруга обязательно рассказала бы мне о таком персонаже, и я бы об этом точно не забыла. Как, кстати, забыла о том, что сама Ирка ещё в командировке, и потому припёрлась к ней.

Да что же это за ночь такая проклятая? Когда она уже закончится?

— Да я-то понятно как, к сестре заехал, а вот ты?

— К сестре?

— Угу. К троюродной.

— Серьёзно, что ли? — Не могу поверить. — Нет, правда?

Он вздёргивает бровь, глядя на меня насмешливо. О да, этот прищур я тоже помню. Даже сейчас не по себе от него становится, хотя со школы прошло уже восемнадцать лет.

— Ну просто Ирка о тебе не рассказывала, — поспешно

оправдываюсь я.

Тут же ловлю себя на этой дурацкой поспешности, злюсь за неё и чувствую, как для полного счастья вспыхивают щёки. Ну вообще прекрасно!

Матвей дожигает меня взглядом… и вдруг смеётся:

— Краснова, а ты вообще не изменилась! Как была мышкой, так и осталась!

Ярость ударяет в голову.

— На себя посмотри, Орлов! С тобой ещё тогда всё понятно было, а теперь и подавно! Кто ты у нас теперь, ну? Бандюк? Рэкетир? — Вряд ли моя злость действительно предназначается ему, но... — А знаешь, что, я тебя больше не боюсь! Я теперь, знаешь ли, и сама не абы кто! И вообще — я уже давно не Краснова, у меня есть прекрасный муж и дети!

Я заканчиваю на высокой ноте, вскочив со стула… А дальше пауза, потому что ответной реакции нет. Разве что поросшие тёмной щетиной желваки Орлова едва заметно поигрывают. Ну а сама я в очередной раз вспоминаю ту сцену с участием моего «прекрасного мужа»…

— И вообще, у меня кроме фамилии есть ещё имя… И всегда было. — Мямлю, ненавидя себя за слабость. — Впрочем, учитывая, что ты даже учителей только по кличкам называл... Короче, прощай, Орлов! Не рада была повидаться!

Гордо разворачиваюсь.

— Ты никуда не пойдёшь, — догоняет меня в спину.

Паника, такая же, какая, бывало, охватывала меня в шко-

ле, когда по несчастью приходилось сталкиваться с Орловым один-на-один где-нибудь в коридоре, опаляет кипятком.

Так-так-так, спокойно! Ведь по факту, хотя смотрел он всегда так угрожающе, исподлобья, что я едва не падала в обморок — именно меня-то он ни разу и не обидел. Не считая того раза в раздевалке, конечно, но там вообще всё странно получилось.

— Это ещё почему? — стараюсь, чтобы мой голос звучал со спокойной насмешкой, но сама не решаюсь даже обернуться.

— Потому, что я так сказал.

Слышу, как он встаёт и направляется ко мне. От ужаса слабеет под коленями. Пытаюсь сжать кулаки, но руки висят безвольными плетьми.

Однако и Матвей всего лишь протискивается мимо меня в коридор, подхватывает с тумбочки барсетку.

— Если боишься, что я вернусь ночью и съем тебя, можешь закрыться на засов… ботаничка Алёнушка.

Он уходит, а я туплю ещё целых пару минут, прежде чем, спохватившись, запираю-таки дверь изнутри. Хотя и с некоторой долей смущения.

Что это сейчас было-то? И дело даже не в том, что Матвей, оказывается, не просто помнит моё имя, а в том, что я припёрлась сюда вся такая незваная и дерзкая и, получается, выгнала хозяина в ночь. Прямо в дежурных домашних тапках Иркиных любовников.

Однако, долго размышлять над этим не получается — едва я остаюсь одна, как тут же возвращается вся горечь и боль пережитой измены.

Замотавшись в одеяло, пытаюсь уснуть. Но как, если, меня буквально разрывает от рыданий? Душу их, уткнувшись лицом в промокшую подушку, но это не помогает. А стоит мне закрыть глаза, как тут же встаёт картина: моя племянница и муж.

Она — юная, безрассудная девчонка, а он — крепкий, зрелый красавец-мужчина. Он жадно обнажает её, касается губами её сочного тела, наслаждается им... И я словно вижу это наяву. Вижу, как мой мужчина вожделеет ту, которая навсегда останется для меня ребёнком.

Я ведь помню, как она родилась. Мне тогда было шестнадцать, и мне уже во всю доверяли сидеть с нею, когда сестра отлучалась из дома. И я всегда искренне, от всей души любила свою малышку-племяшку!

И даже на секунду не усомнилась, забрав к себе после гибели её родителей! Я даже с мужем тогда не посоветовалась. Просто не могла допустить чтобы моя Полинка попала в детский дом — даже на два года, до совершеннолетия! И если бы пришлось, готова была отстаивать её судьбу даже ценой собственного счастья.

Вот и отстояла, называется.

А Олег тогда, кстати, сразу же со мной согласился. И я радовалась, что у нас с ним такое взаимопонимание.

Боже, ну как же так? Как же это больно…

Глава 3

Промаявшись ночь без сна, возвращаюсь домой в начале шестого утра. Дверь в квартиру оказывается не заперта. Почему? Олег оставил открытой чтобы я могла в любой момент войти без ключа? Это так на него похоже. Возможно, он даже ждал меня всю ночь и волновался?

В груди мучительно сжимается — ну как же так? У нас ведь всё было хорошо, ровно и мирно! Я восхищалась своими мужем и беззаветно любила его все пятнадцать лет брака.

Но наш брак оказался с браком. Вот такой жестокий каламбур.

Тихонько прохожу в гостиную. На полу липкая подсохшая лужа игристого и осколки бутылки. Сердце тут же замирает от свежих воспоминаний. Аж в глазах темнеет.

— Ну и где была? — раздаётся голос мужа.

Оборачиваюсь. Он лежит на диване, под дежурным пледом, который мы выдаём редким в нашей квартире ночующим гостям. И хотя квартира у нас большая, с элитной планировкой, но все жилые комнаты заняты: дочки в одной, мы с мужем в другой. Есть ещё третья, которая раньше была гостевой и куда мы планировали отселить старшую дочь, когда подрастёт. Но по итогу уступили эту комнату Полине, чтобы у неё было личное пространство и возможность как мож-

но комфортнее пережить горе утраты родителей. Пригрели змею, называется.

Хотя, кому змея, а кто-то очень даже неплохо к ней пристроился.

— У Ирины была, где ещё.

— Врёшь! Я звонил ей, она сказала, что в командировке!

Его гневный тон моментально пробуждает во мне встречную ярость:

— А знаешь, да, вру! Я была не у неё! А вот где — больше не твоё дело!

— Ты моя жена, и мне не всё равно где ты и с кем!

— Иди к чёрту, Доронин! — огрызаюсь я, а у самой сердце начинает кровить от дикого диссонанса: он ведёт себя так, словно ничего не случилось. Словно он всё тот же заботливый, любящий муж. Моя каменная стена и опора. — И я с тобой развожусь, если ты ещё не понял!

Под его злым взглядом запираюсь в спальне, в растерянности опускаюсь на кровать. Ну и что теперь?

Развод… Сказать легко, а на деле — даже невозможно представить! О чём ни подумаю — всё упирается в совместный с Олегом быт. Невозможно даже представить свою жизнь без мужа, без его незримого присутствия и заботливой опеки.

В голову тут же лезут другие, параллельные мысли: а ведь заботливым и опекающим он был не только для меня. Полинку, вон, без проблем взялся каждое утро возить до ин-

ститута. Сам вызвался! А я так радовалась, что они нашли общий язык, дура…

Идиотка слепая, почему меня не смущали её личные вещи, раскиданные по его машине и даже отпечатки её босых ступней на лобовом стекле? Я лишь журила её за то, что ездить, задрав ноги на панель опасно. Олега просила не разрешать ей так делать. А они, оказывается, вовсе и не ездили, а всего лишь… занимались сексом на переднем пассажирском!

Дыхание перехватывает. В груди словно катится раскалённый шипастый шар, пронзающий моё сердце насквозь: когда-то и мы с Олегом занимались этим в машине.

Это была тайота, которую незадолго до смерти подарил мне отец. У Олега тогда ещё ничего своего не было, но, когда мы бывали с ним вместе, за рулём неизменно сидел он и практически чувствовал себя её хозяином. Мне нравилось видеть, как он расправляет плечи, оказываясь за рулём иномарки. Ему было важно чувствовать себя не хуже остальных парней, и я с удовольствием давала ему такую возможность. И всегда знала, что однажды Олег и сам вырастет до личной машины и квартиры. Верила в него даже больше, чем в себя.

Я продала свою тойоту, когда срочно понадобились деньги ему на операцию. Это была память об отце, но я не заколебалась ни на мгновенье. А когда Олег восстановился и, спустя несколько лет, его бизнес наконец пошёл в гору — он купил себе первый внедорожник. К тому времени у нас с ним

уже было двое детей и так мало свободного времени, что до автомобильной романтики дело больше так и не дошло.

Но оказывается, это только у меня. А у мужа романтика буквально кипит! И с кем?! С девчонкой, которая ему в дочери годится, да ещё и…

Из болезненных мыслей меня выдирает звук голоса племянницы из гостиной. Обдаёт кипятком. Жалит ядом. Я не могу различить, что именно она говорит, но прекрасно слышу, как она беззаботно весела. Как ни в чём не бывало хихикает и воркует. А муж ей что-то отвечает. Так же спокойно и обыденно.

Я теряюсь. Накатывает вдруг странное ощущение, что это я здесь, в этой их идиллии, лишняя. Словно это именно я влезаю в чужие отношения, рушу чужое счастье.

Да какого чёрта?!

Решительно выхожу в гостиную.

Полина стоит возле кофемашины, ждёт свой капучино. Сегодня на ней нарядная белая блуза и чёрная мини-юбка. Длинные, стройные ноги, подёрнутые золотистым загаром, сияют гладким глянцем. Юность и свежесть. Сахарная кость для похотливого кобеля.

Муж сидит на барном стуле, помешивает свой американо, параллельно листая новостную ленту в айфоне. Словно это обычный будний день, когда он собрался на работу, а по пути — завезти племянницу в универ. Всё, как всегда. Идиллия.

— А, тёть Лен, привет! — замечает меня Полина. — Тебе

сделать кофе?

— Какого чёрта ты ещё здесь, мерзавка?

Олег оборачивается, на лице настороженность, словно он в любой момент готов кинуться разнимать драку.

— А чего так грубо-то? — капризно надувается племянница. — У меня вообще-то день рождения сегодня, если ты забыла. Фу, даже аппетит пропал! — демонстративно опрокидывает чешку нетронутого капучино в мойку. — Лучше в универе из аппарата бурды выпить, чем терпеть такое отношение! — Хватает сумочку. — Олег, ты же меня подвезёшь?

А ну да. Ещё одно, на что я не обращала внимания: меня она всю жизнь называет тётей Леной, а Олега в какой-то момент начала просто по имени. Совпадение? Или примерно тогда у них всё и началось? Но… Господи, ей же тогда едва исполнилось восемнадцать! Неужели он её совратил?

Да какая разница, если по итогу они оба этим довольны? Это же очевидно!

— Пошла вон отсюда, дрянь! — не выдерживаю я. — Отныне ты живёшь где угодно, но не здесь.

— С чего это вдруг? — вальяжно приваливается она бёдрами к столу, вздёргивает подбородок. — Из-за вчерашнего что ли? Тоже мне, трагедия. Ты в каком веке живёшь, тётушка?

Я задыхаюсь от возмущения. Рот открывается, а слов не нахожу. Как рыба.

Наконец просто срываюсь с места и лечу в её комнату.

Там, не утруждаясь поисками чемодана, просто распахиваю дверцы шифоньера и начинаю скидывать вещи прямо на кровать.

Освободив шкаф, стягиваю концы покрывала и выволакиваю огромный узел в гостиную. Швыряю в сторону прихожей:

— Твои вещи. Пошла вон!

— А если я сделаю так же с твоими? — фыркает она. — С чего ты вообще взяла, что ты здесь главная? Если уж на то пошло, то это квартира Олега, он и решает, кто здесь будет жить.

Я снова давлюсь воздухом. Поворачиваюсь к мужу.

— И что, ты и дальше будешь просто молчать? Или эта… дрянь тебе весь мозг через трусы высосала?

Олег сжимает кулаки, поигрывает желваками, глядя перед собой. И такой он в этот момент… знакомый, родной! Мой. Тот самый, который и защитит, и всегда примет взвешенное, верное решение.

— Успокойтесь, обе! Никто никуда не уходит. Лена, сейчас я отвезу Полину, — мельком смотрит он на часы, — потом вернусь, и мы с тобой спокойно всё обсудим. А когда вернётся Полина, и мы продолжим спокойный, конструктивный диалог. Это ясно? В конце концов, — жмёт плечами, — сегодня действительно не лучший день для разборок. У Полины день рождения, у нас юбилей, и я уже заказал столик в ресторане.

— Ур-а-а-а! — сжав кулачки, начинает подпрыгивать мерзавка.

— Дай угадаю: это столик на двоих, и поэтому мне нужно будет подождать вас дома? — язвлю я.

— Это не смешно, Лен, — осаждает муж. — Да, ситуация дурацкая, но я, если ты не видишь, пытаюсь хоть как-то её вырулить.

— Ах, вот оно оказывается, что ты пытаешься сделать! А я-то думала! А хочешь, я тебе помогу? Это, ведь, на самом деле, проще, чем ты думаешь!

Подлетаю к племяннице и, схватив её за руку, волоку в прихожую с самым решительным намерением в буквальном смысле вышвырнуть её за порог. Но она хватается за стол и визжит:

— Нет, нет! Я никуда отсюда не пойду! Олег, ну скажи ей! Ну скажи, что я беременна от тебя!

Глава 4

В универ он племянницу так и не везёт, но лично вызывает для неё такси. Надо же, заботливый какой! И меня не оставил один-на-один с шокирующей новостью, и про её комфорт не забыл.

На прощание мерзавка демонстративно чмокает его в губы и мурлычет что-то вроде «Не скучай, котик»

А у меня сердце разрывается.

Беременна. Боже, моя племянница беременна от моего мужа! Ей девятнадцать, ему сорок. И их связь началась и развивалась прямо у меня под носом. Это какой-то сюрр! Кошмарный сон, и мне срочно нужно проснуться!

— Ну и… — голос сипит, едва могу продавить его сквозь горло, — когда ты собирался мне об этом сообщить?

— Я сам узнал только вчера, после того как ты ушла, — хмуро трёт Олег лицо.

— А, то есть после того, как я ушла вы с ней тут… продолжили, да?

— Не нагнетай, Лен! Конечно, у нас ничего не было, но ты её реально напугала, и ей нужна была поддержка. Она, между прочим, сразу поняла, что теперь ты захочешь её вышвырнуть.

— Надо же, как неожиданно! Да как ей в голову такое пришло?

— Твой сарказм не уместен. Поставь себя на её место: беременная сирота-студентка, без работы, без жилья. А кроме того, это всё-таки будет мой ребёнок, и я тоже несу за него ответственность.

Сжимаюсь в кресле, перехватывая себя руками поперёк — лишь бы мучительный стон боли не вырвался наружу. Господи, за что мне всё это? Разве я не хотела как лучше для всех, когда привела её в свой дом?

Продышавшись, поднимаю на него полный слёз взгляд.

— А про наших детей ты хоть вспомнил? Ладно я, меня ты променял на молодое тело, но дочки? Их то за что? Они ведь любят тебя, Доронин!

— Я прекрасно это понимаю. Поэтому и прошу тебя, давай уладим ситуацию спокойно, чтобы дети не пострадали.

— А это как, прости? Это когда папа больше не живёт с ними потому, что он теперь живёт с их двоюродной сестрой и её малышом, который тоже называет их папу папой? Ты в своём уме? Как ты собираешься им это объяснять?

— Пока не знаю. Но Юлька уже взрослая, она бы, возможно, даже всё поняла. А Эльке пока и объяснять ничего не обязательно. А кроме того…

— Юле всего четырнадцать, Доронин! — с горечью перебиваю я. — Ты считаешь, это достаточно? А Эля в Полинке души не чает… Господи, как ты мог, Олег… Как мог!

Снова сжимаюсь, пережидая очередную вспышку душевной боли, которая где-то в груди превращается в самую на-

стоящую мучительную физическую.

— Поэтому я и хочу предложить единственно верный выход, — рассудительно кивает муж. — Мы просто оставим всё как есть. Никто никуда не поедет, никто никого не бросит. Дети ни о чём не узнают. С Полиной я поговорю, пусть пока держит отцовство в тайне, я не буду против. А потом, когда наши с тобой дети подрастут, уже можно будет что-то решать и про моего с Полиной. Тут на самом деле загвоздка только в тебе, Лен. И я понимаю, что ты сейчас в шоке, но всё же прошу — просто постарайся принять ситуацию, как есть. Это жизнь. Никто не виноват, что так получилось.

В первые мгновения я просто ошарашено молчу. Наверное, готова была услышать какую угодно дичь, но не вот это. И вдруг начинаю хохотать.

Но смех этот не весёлый. Он горький и нервный, и я не могу остановиться, всё хохочу и хохочу… Пока по щекам не начинают литься слёзы.

Олег пытается меня обнять, но я отталкиваю его, вскакиваю. От этой заботы мне становится только стократ больнее.

— Не смей даже подходить ко мне! Как тебе в голову вообще такое пришло — оставить всё как есть? Вот так же жить в одной квартире, да? Так же оставлять наших девочек на эту дрянь, когда я на дежурстве, а ты в командировке? А что потом? По утрам я буду готовить ей витаминные чаи от токсикоза, а ты — ночевать у неё в постели, чтобы ей было удобнее улечься, так что ли? Так ты себе это представляешь? Да-

же если бы я вдруг сошла с ума и ради спокойствия наших девочек проглотила измену и осталась жить с тобой в одном доме, то терпеть здесь твою любовницу — нет! Нет, нет и нет, Доронин! И знаешь, проблема сейчас не во мне, а в тебе! Это ты должен выбрать, что тебе важнее — наши девочки или эта… шлюха!

— Не называй её так! Во-первых, она всё ещё твоя племянница, а во-вторых, я не могу выбрать между вами, потому что люблю обеих. Одинаково. — Останавливает мой готовый сорваться с губ возмущённый восклик движением руки: — Да, представь, такое тоже бывает! Я не могу без неё так же, как не могу и без тебя. И наш с ней ребёнок будет для меня таким же любимым и родным, как и наши с тобой. Разница лишь в том, что ты взрослая женщина и способна многое понять и принять, а Полина… — его голос заметно смягчается и теплеет, — она ещё молодая. Она ещё не знает жизни, и ей сейчас гораздо труднее, чем тебе.

С ужасом понимаю, что мысленно примеряю к руке тяжёлую каменную ступку для специй. Представляю, как она летит в мужа, попадает в голову… Судорожно сцепляю руки на груди, отворачиваюсь от кухонного островка.

Вдох, выдох. Господи, как же больно… Но унижаться я не стану!

— Нет, Олег. Гарема не будет, даже не мечтай. Я подаю на развод, а ты, чтобы не бросать свою молодую беспомощную, собирай манатки и сваливай с нею на все четыре. Жела-

тельно в другой город, чтобы наши девочки хотя бы какое-то время не видели вас вместе. Живите там долго и счастливо, хотя и сомневаюсь, что у вас получится. Полина не такая уж и овечка, если ты ещё не понял. И если это вообще твой ребёнок. Впрочем, мне это уже без разницы. Иди к чёрту, Доронин. А я переживу, ты прав. Я сильная.

Говорю, а у самой подбородок дрожит и разрывается сердце. Ещё меньше суток назад я даже представить не могла, в какой Ад придётся окунуться. Ещё была счастлива и спокойна, искренне веря, что замужем за самым надёжным мужчиной на свете.

Но вот, стою, едва сдерживая слёзы, и ноги дрожат от дикой слабости, а перед глазами расплываются тёмные пятна близкого обморока, а мой надёжный мужчина рассказывает, как сильно любит другую, ту, которая годится ему в дочери…

— Нет, — выдёргивает меня из болезненного тумана голос мужа, — так не пойдёт. Я правда хочу, чтобы в этой ситуации все остались в выигрыше. Но если ты готова навредить сразу всем моим любимым людям только ради того, чтобы потешить собственную гордыню — мне придётся защищать свою семью уже от тебя. Ты можешь уйти, если хочешь. Если тебе нужно время чтобы привыкнуть к этим реалиям или успокоиться. Я даже оплачу тебе съёмное жильё. Но Полина права — это моя квартира, и только я решаю, кто здесь будет жить. Если ты не хочешь, я не держу. Но дети и Полина

остаются здесь.

— Ты… охренел? — восклицаю я, а на глаза снова попадается мельничка для специй. — Я не оставлю наших детей в этом вашем борделе! Даже не мечтай!

— А я не отпущу их не пойми куда, — сухо парирует муж. — Своего жилья у тебя нет, родни, к которой можно прибиться, тоже. И даже если ты снимешь квартиру, то всё равно, работаешь по сменам, и детей в любом случае придётся оставлять либо со мной, либо с Полиной. Оставлять их одних я не позволю. А возить к матери в пригород ты не сможешь — уходя от меня, тебе придётся оставить машину здесь. Она ведь тоже моя, если ты забыла.

— Ты не посмеешь… — от бессилия руки опускаются. — Доронин, ты не посмеешь…

— Посмею. И я тебя не гоню, если ты ещё не поняла. Я, наоборот, предлагаю жить, как и прежде. Но ты сама хочешь уйти и всё разрушить, так почему я должен тебе в этом помогать?

— Может, потому что свои квартиру и машину я продала, когда срочно нужны были деньги на твою операцию и реабилитацию?

— Да когда это было-то! Нашла что вспомнить. К тому же, никто не просил тебя продавать недвижимость. Можно было просто взять под неё кредит.

Слёзы начинают литься сплошным ручьём. Если бы он только знал, каких усилий, боли и невероятных нервов сто-

ил мне тот период, пока он лежал в коме, а я, как угорелая носилась по городу, и была готова не то, что квартиру с машиной, но и себя распродать на органы — лишь бы успеть собрать деньги, потому что счёт шёл буквально на часы.

В то время, как его родители, между прочим, просто советовали мне взять психолога, который поможет принять неизбежное — вечную инвалидность мужа. Их сына. И уж своей машиной они жертвовать точно не собирались.

Боль в сердце такая сильная, что я не отдаю себе отчёта в действиях. Вскакиваю и стремглав бросаюсь прочь из квартиры. Но на пороге замираю.

— Скажи мне хотя бы, что она уже была совершеннолетней, когда ты на неё залез?

Олег закатывает глаза:

— Ну конечно! Я же не моральный урод какой-нибудь.

— Да уж…

— Твой сарказм не уместен. Куда ты собралась?

— Не знаю. Просто подальше отсюда.

— Это правильно. Тебе нужно побыть одной и всё переосмыслить. И кстати, столик в ресторане я изначально заказал на троих, поэтому к семи вечера приходи в «Мольер» Будет трудно, но тебе всё же надо начинать жить в новых реалиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.